

Влас Михайлович Дорошевич

Граф Витте

Влас Дорошевич

Граф Витте

«Public Domain»

1906

Дорошевич В. М.

Граф Витте / В. М. Дорошевич — «Public Domain», 1906

«Когда я думаю о С. Ю. Витте, мне всегда вспоминается индусский бог Вишну... Надеюсь, цензура не обидится? Если один – граф, то ведь и другой тоже бог...»

Влас Дорошевич Граф Витте

Arma virumque cano.

Когда я думаю о С. Ю. Витте, мне всегда вспоминается индусский бог Вишну...

Надеюсь, цензура не обидится?

Если один – граф, то ведь и другой тоже бог.

Сравнение, казалось бы, должны найти лестным обе стороны?

По крайней мере, за индусского бога я ручаюсь.

Итак, когда я думаю о графе Витте, мне вспоминается индийский миф, который рассказывает Ренан.

Однажды восхитительным весенним утром бог Вишну, под видом юноши царевича Кришна, спустился с гор в цветущую долину.

Весна была прекрасна! Но молодой бог прекраснее ещё.

Пятьсот пастушек, которые пасли свои стада в цветущей долине, как увидели, так и влюбились в красавца-бога.

Каждой хотелось, – скажем словами Ренана, – протанцевать с ним.

Но – женщины! – каждой хотелось, чтоб с ней одной только танцевал царевич.

Вишну – добрый бог.

И он совершил чудо.

Очаровательное, поистине!

Всемогущий! – он воплотился сразу в пятьсот Кришн.

И каждый Кришна протанцевал с каждой хорошенькой пастушкой, и каждая пастушка была уверена, что с нею одной танцевал бог.

С тех пор они стали удивительно строги по части нравственности.

И близко не подпускали к себе простых смертных:

– Меня выбрал бог для танцев!

Так на всю жизнь сделал бог Вишну счастливыми сразу пятьсот пастушек.

У С. Ю. Витте всегда была эта божественная склонность.

Сразу танцевать со всеми.

Ещё на заре его карьеры в Одессе, – когда политически ему было один год от роду, – он сотрудничал в «Московских Ведомостях» и дружил с «Одесским Вестником».

Недурно, если вспомнить, что, по мнению «Московских Ведомостей», следовало повесить, – и немедленно! – весь «Одесский Вестник», а по мнению «Одесского Вестника», следовало гильотинировать, – и как можно скорее, – все «Московские Ведомости».

Его ласкает Катков, и он очень дружен с бароном Иксом, бывшим политическим ссылкой С. Т. Герцо-Виноградским, самым антиправительственным человеком, какого когда-либо видел свет.

В своей «средней истории» С. Ю. Витте танцует то с г. Антоновичем, – консерватором из консерваторов, – то с В. И. Ковалевским, бывшим нечаевцем.

И тот и другой доверчиво склоняют голову ему на плечо, пока бог-Витте уносит их в вихре упоительного вальса:

– На благо родины!

Правда, кончив танец, С. Ю. Витте сажает своих дам не на стул, а мимо, около.

Так что уж те никогда не могут подняться.

Он танцует с предприимчивыми людьми и танцует с теми, кто их должен потом «поднять».

Как поднять?
Захлестнуть петлю на шею и вздёрнуть на воздух.
Он танцует с С. И. Мамонтовым, увлекая его в область грандиозных предприятий.
И танцует с банкиром Ротштейном, спасая его от суда, – с банкиром Ротштейном, который должен содрать с Мамонтова последние остатки кожи.
Он танцевал с Алчевским.
И как клал ему Алчевский голову на плечо:
– Я поеду в Петербург. Я переговорю с Сергеем Юльевичем.
И как он сел мимо стула...
Но длинен был бы перечень, с кем танцевал С. Ю. Витте. Как длинен синодик Грозного Иоанна.
Он танцует со всеми.
И – божественный дар! – всякий думает, что он танцует с ним с одним.
Он танцует с министром Сипягиным.
И как в ногу! Сипягин в восторге.
Сипягин!
И ежегодные отчёты, сопровождающие государственную роспись...
Кто откажет им в изумительной талантливости?
Они читались 1-го января в газетах. с таким интересом, с каким газетная публика до тех пор читала только уголовные романы.
Эти десять отчётов надо издать отдельной книгой!
Это документ. Это памятник.
Они сыграли колоссальную роль в пробуждении общественного сознания.
Написанные прекрасно, интересно, талантливо, порой блестяще, – они заставили массу публики, до тех пор никаких «казённых бумаг» не читавшую, думавшую про государственную роспись:
– Дело начальства, не наше!
Они заставили эту публику интересоваться государственными делами.
Их заслуга почти так же велика, как заслуга фельетона.
Лучшей похвалы для них не найду.
Превосходные, общедоступные, фельетоны, они сделали то, что сделал фельетон:
– Вывели государственные вопросы на улицу.
И познакомили с ними публику.
Они привили широким кругам вкус заниматься государственными вопросами.
А отсюда – критиковать.
А отсюда – быть недовольными.
Ни для кого не секрет, что в составлении этих блестящих отчётов принимали участие лучшие из наших либеральнейших профессоров.
Они с увлечением работали «на Витте».
Почему?
Они шушукались:
– Он наш. Он ведёт...
Не помню, кому – но это было напечатано, кажется, г. Шипову – этот человек, танцевавший с Сипягиным, сказал:
– Конституция в России, по моему мнению, неизбежна.
Но и «марксисты», – в то время революция была этой прекрасной маской, – но и марксисты считали С. Ю. Витте своим.
– Как!! Русский?! Министр?!
И вам отвечали с ясным, – я сказал бы: с детски ясным взглядом:

– Он – марксист.

– Русский?! Министр?! Дайте мне воды!

– Революция – война. Для войны нужна армия. Её армия – пролетариат. Пролетариат формируется фабричной промышленностью. «Он» создал грандиозную промышленность. Он занят только этим. Он работает только над этим. Таким образом, он вербует нам армию. Говоря формулой Карла Маркса: чрез железные ворота капитализма он ведёт нас к тому времени, когда орудия производства...

И так далее, и так далее, и так далее.

Всё, что было самого крайнего, бросалось на службу в Министерство Финансов:

– На работу! На нашу работу!

И это увлечение охватывало не только юношей, у которых пробивается первая борода и первые идеи.

Профессор Маркевич, чтоб не цитировать многих других, – профессор Новороссийского университета Маркевич, который должен был оставить кафедру вследствие «политической неблагонадёжности», пошёл на работу в Министерство Финансов.

А это был глубоко искренний и так же убеждённый человек.

– Наше министерство!

Витте был чаровник.

И умел каждого увлекать в вихрь танца.

Началось с того, что в Петербурге пресерьёзно думали:

«Деньги на издание „Освобождения“ даёт Витте. Его поругивают. Но это для отвода глаз».

Были даже убеждены:

– Никто, как он! Орудие для борьбы с Плеве!

Кончилось тем, что «Гражданин», – «Гражданин!» – не стал титуловать его иначе, как:

– Нашим министром.

«Гражданин», для которого раньше слова «Витте» и «конституция» были, кажется, синонимами.

– Напишите «Витте», и выйдет «конституция!» – писал кн. Мещерский, не желая, конечно, копировать А. И. Поприщина, который говорил:

– Напишите «Китай», и выйдет «Испания».

Но копируя его невольно, как это с ним случалось всегда.

«Издатель» «Освобождения» превратился в *enfant gâté* «Гражданина»!

Даже старичок кн. Мещерский – много чего видевший на свете! – не выдержал, был увлечён и на старости лет прошёлся несколько туров.

Какая божественная способность увлекать в танец кого угодно!

Когда граф Витте становится «конституционным премьер-министром», и г. Пихно, издатель «Киевлянина»...

Тот самый г. Пихно, который, говорят, вошёл в раж и начал палить по своим собственным сотрудникам, решив, что благонадёжных людей нет, весь этот свет неблагонадёжен!

Когда этот издатель «Киевских Ведомостей» принялся метать громы, граф Витте, – цитирую снова по газетам, – послал ему телеграмму:

«Приезжайте в Петербург! Поговорим. Может быть, столкнёмся».

Приглашение к танцам! Очаровательное, как веберовское.

Подумайте! Со стороны премьер-министра! Где? В России!

В стране статьи 1039-ой. По меньшей мере!

Было бы длинно перечислять всех пастушек, с которыми перетанцевал наш бог.

Многие из них так и умерли в уверенности:

– Со мной одной!

Счастливые!

На наших глазах... Протанцевав несколько туров с князем Оболенским...

И как!

Одновременно с князем Оболенским и с генералом Треповым.

С князем Оболенским:

– Что либеральнее вам ещё нужно?

И с генералом Треповым:

– Он, право, не таков, как его рисуют. Наконец он необходим!

Протанцевав несколько туров с князем Оболенским, граф Витте отлично танцует с г. Дурново, и, говорят, будто бы скоро снова затанцует с такой же лёгкостью с князем Оболенским.

А может быть, с генералом Треповым? С графом Игнатьевым? С г. Победоносцевым или г. Петрункевичем?

Всё может быть!

При такой лёгкости на ногу...

Но кончим «синодик»!

Кончим на том, что пастушек было не меньше пятисот.

А может быть, – даже наверное! – индусский бог куда превзойдён русским графом.

– «Спешу оговориться!» – как писали старинные литераторы.

У нас ещё по старой памяти, когда литератор пишет, публика первым делом любопытствует:

– «Нападает» или «хвалит»?

Я не хочу хвалить, тем менее я хочу «нападать» на графа Витте.

– «Для людей исключительных и мораль нужна исключительная!» – сказал Поль Бурже.

И я отлично знаю, что государственных людей нельзя судить, как добрых знакомых.

Как простых смертных.

То, что для индусского бога было «пятисотличием», в государственном человеке называется «оппортунизмом».

Что ж!

Оппортунизм – государственная система, как и всякая другая.

«Обвинять» в оппортунизме – в этом нет ничего обидного.

Оппортунистом был Леон Гамбетта. Excusez du peu!

Главой оппортунизма. Родоначальником оппортунистов.

Оппортунизму в наш век воздаются почти божеские почести.

Прошлым летом открывали памятник Гамбетте.

– Слово «оппортунизм» многими произносится, как обвинение. Но чем была спасена Франция после 1870 года, как не оппортунизмом? Кто её спас? Оппортунисты... Кто был вождём этих оппортунистов? Он назывался Леоном Гамбеттой, этот великий оппортунист! Оппортунизм – это мудрость!

Эти слова у подножия памятника «великому трибуну» принадлежат республиканцу, главе республиканского правительства, представителю самой передовой страны Европы, – г. Эмилю Лубе.

И характерно, что пели и хвалили и славили в Гамбетте не «великого трибуна», на «великого патриота», не «великого республиканца», – а именно:

– Великого оппортуниста!

И никому не было стыдно.

Ни за него ни за себя.

Таков уж, значит, век.

После этого быть оппортунистом ничуть не стыдно.

Не мешает только при этом быть Гамбеттой.
И надо спасти отечество.
Но возвратимся к нашему божественному балу.
«После всех радостей и несчастий, любви и ненависти приходит смерть. И дальше? Дальше? Ничего!» – как говорит Яго.
Нашёлся человек, – единственный, – который не захотел с ним танцевать, – фон Плеве.
Борьба.
И С. Ю. Витте похоронен по первому разряду.
Председатель совета или комитета, – но который, всё равно, никогда не собирается.
– И дальше?
– Дальше? Ничего!
Сам г. Витте говорит, – например, 8-го января, накануне 9-го, депутации из десяти литераторов:
– Я ничего не могу. Я ничего не значу.
Но г. Витте похоронен ещё живым.
Приходит Портсмут.
Берут того, другого. Но кого конце-то концов?
Один.
Витте.
Правильна или ошибаются, – но и в Европе, и в Америке единственным государственным человеком в России. считают г. Витте.
И г. Витте едет в Портсмут с единственным оружием против японцев.
– Ах, господа! Вы не знаете, что такое Россия! – говорит он всю дорогу.
Единственная фраза.
Он повторяет её, – как рисуют корреспонденты, – «с загадочной улыбкой, с видом меланхолическим и даже не лишённым грусти».
– Вы не можете даже себе представить, что такое Россия! – повторяет он всякому встречному.
И мало-помалу, и Европа и Америка гипнотизируются загадочной фразой.
Приходят к убеждению:
– А ведь, действительно, чёрт возьми, мы не знаем, что такое Россия!
Всеми. цивилизованному миру так чужд наш строй.
Все видят, что война разоряет Россию.
Но...
– Что ещё могут заставить их сделать? И есть ли, наконец, что-нибудь, чего не могут их заставить сделать?!
Двадцатому веку трудно понять:
– Что возможно и что невозможно в шестнадцатом?
Европа и Америка решают:
– Если уж эти так упрямы, нажмём на тех, – те, всё-таки, ближе к нашему веку, к нашим понятиям и нравам. Не разорятся же всему миру из-за их войны!
И нажимают.
Япония уступает.
С. Ю. Витте одерживает первую русскую победу над Японией.
Портсмутский договор, – печальный сам по себе, – всё же самый лучший, на который можно было надеяться.
На который даже нельзя было надеяться.
В «credit'e» С. Ю. Витте он всегда останется колоссальной цифрой, сколько бы граф Витте ни вписал ещё себе в «debet».

Сравнительно, конечно, но, – увы! – портсмутский договор – единственная блестящая страница в этой истории, написанный с кляксами человеческой кровью, ненужной и бесполезной.

– Японцы заняли весь Сахалин. Витте отдал им только половину. Среди всех русских генералов, штатский Витте один отнял у японцев назад взятую позицию, – справедливо писал один французский журналист.

Дорога от Портсмута до Петербурга – сплошной триумф.

«Первый и единственный победитель!»

Все понимают, все знают, что «воскресший из мёртвых» человек не ляжет обратно.

Ни для кого не секрет, об этом говорит вся заграничная печать:

– Витте предстоит сыграть огромную, историческую роль. Его ждёт исключительный пост.

Г. Витте должен делать крюк.

Он должен заехать по дороге в Париж. Он должен остановиться в Берлине.

Чтоб с королевскими почестями проехать в Потсдам.

Его желает видеть Лубе, с ним желает беседовать император Вильгельм II.

Один ли Вильгельм II.

Его величество Ротшильд, их величества Мендельсоны и прочие «князья мира сего» желают побеседовать с г. Витте «теперь».

То, что должно совершиться, не тайна ни за границей ни в России.

«Московские Ведомости» уже начинают кампанию против будущего «конституционного премьер-министра».

Черни, которая может получать эту газету «со значительной скидкой, на самых льготных условиях», внушается.

Печатаются вещи, невиданные на серых, как сукно арестантских халатов, страницах русской печати.

Про представителя России, про посланника страны печатают:

– Изменник... Что ему честь России?.. Готов погубить родину...

Это уже подготовка к Варфоломеевской ночи.

Это г. Грингмут в роли Сен-Бри, – красная рубаха каторжного площадного ката ему больше к лицу, – благословляет дубины чёрных сотен.

«У Руси есть враги
С Витте во главе!» –

запевает он на мотив из «Гугенотов».

На что хор чёрных сотен где-то, – чуть ли всё не в том же Кишинёве, – самый, оказывается «патриотический» город, хоть и цыганский! – на что потом хор чёрных сотен должен отозваться диким аккордом:

– Витте изменник! Казнь ему!

Что делает в это время г. Витте?

Из ума г. Витте, конечно, можно выкроить сотню умов, и каждый из них будет считаться у нас «государственным». И каким!

Г. Витте понимает, что:

– Времена меняются.

И мы должны следовать за ними.

Если хотим избежать столкновения и катастрофы.

В октябре 1904 года министр внутренних дел объявил «доверие» к стране.

Вещь, неслыханная нигде, кроме России.

Во всём остальном мире страна выражает своё доверие или недоверие министрам.

– Министр, который взял бы, да и заподозрил всю страну!

Во всей Европе, Америке, Австралии и даже в Азии – в Японии все померли бы от смеха при таком «трюке».

Иначе этого назвать нельзя.

Такого юмористического положения не приходило в голову ни Твену ни Джерому!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.